

Раздел 1.1.

Реформы как политические инновации: успехи и неудачи

Иван Григорьев, Санкт-Петербург

Политическая реформа Горбачева: управленческий аппарат как фактор успешности реформы

«В политическом плане самое важное различие между странами относится не к форме правления, а к степени правления. Между демократией и диктатурой различий меньше, чем между теми странами, для политической жизни которых характерны консенсуальность, открытость общественного участия, легитимность, организованность, эффективность, стабильность, и теми, где всего этого нет»¹. Этими словами начинается свою книгу «Political Order in Changing Societies» Сэмюэл Хантингтон.

Считается, что мысль о том, будто установление порядка (и упорядоченность общества вообще) важнее успехов демократизации и строительства рыночной экономики, была сформулирована Хантингтоном в ответ на обширный массив литературы о демократизации в Латинской Америке и бывших колониях, если не утверждавшей, то, по крайней мере, имплицитно полагавшей как раз обратное: что демократизации и установления рынка достаточно, чтобы государственный аппарат привести в порядок, а общество — к процветанию. Важно также и то, что, предложив такой тезис, Хантингтон стал (наряду с опубликовавшим в том же году влиятельную статью в *World Politics* Джейм Пи Неттлем²) предтечей движения за «возвращение государства» в социальные науки, официальным манифестом которого считается опубликованный в 1985 г. сборник «Bringing the State Back in»³.

Тогда же, в 1985 г., к власти пришел Михаил Горбачев, с которым связывают распад Советского Союза, окончание холодной войны и возникновение на месте бывшего соцлагеря так называемого посткоммунистического пространства, ставшего в силу разнообразия траекторий, по которым развивалось становление новых государств, своеобразным полигоном для тестирования политологами различных гипотез: в частности, о том, что важнее — форма или степень правления. Между тем ответ на этот вопрос можно попытаться

¹ Huntington S. *Political Order in Changing Societies*. Yale University Press, 2006. P. 1.

² Nettl J.P. *The State as a Conceptual Variable* // *World Politics*, 1968. P. 559–592.

³ Evans P., Rueschemeyer D., Skocpol T. *Bringing the State Back in*. Cambridge University Press, 1985.

найти и в опыте Советского Союза времен горбачевских реформ — страны, не просто не справившейся с реформами, но, как считается, прекратившей из-за них свое существование.

В данной статье ставится вопрос о том, был ли провал реформ, проводившихся в Советском Союзе между 1985 и 1991 гг., обусловлен ошибками реформаторов или же он был предрешен изначально. Как можно понять из этого краткого введения, ответ я попытаюсь найти не столько в том, какой именно выбор был сделан реформаторами, сколько в состоянии государственного аппарата: в его изначальной приспособленности к проведению реформ и в том, как эта приспособленность менялась с ходом времени. Я стараюсь по возможности оставить за скобками оценку экономических реформ, принимавшихся в это же время, и концентрируюсь на реформах политической жизни; внимание экономике уделяется в той мере, в которой это необходимо для понимания политики. В свою очередь, в объяснении экономических реформ изначальной посылкой служит то, что государство проводит не просто такие реформы, какие хочет проводить, но те, на которые оно способно: выбор того или иного пути реформ (в том числе экономических) является выбором политическим, и обстоятельства этого выбора я также пытаюсь объяснить.

Я выдвигаю гипотезу о том, что причиной краха реформ в Советском Союзе являются структурные характеристики аппарата управления. А о том, что я под этим подразумеваю, подробнее расскажу дальше.

Ход реформ

Под провалом реформы обычно понимают то, что она не достигла своей цели: например, не достигла цели так называемая монетизация льгот, и в этом смысле реформа Зурабова была провальной. В случае же с реформами Горбачева о провале принято говорить, что они окончились крушением той политической системы, которую предполагалось реформировать, а для самого Горбачева обернулись потерей власти. И хотя столь катастрофические последствия, несомненно, не являлись целью реформы и уже это позволяет диагностировать ее фиаско, важно также установить, что никакой ясной цели реформ сформулировано не было⁴ и что связь между различными преобразованиями горбачевской эпохи неочевидна. В данном параграфе я по возможности лаконично излагаю ход горбачевских реформ и пытаюсь установить, зачем они были нужны и какая между ними имела связь. В следующем параграфе я отвечаю на вопрос о том, с чем был связан их провал.

Реформу экономики, пребывавшей в бедственном состоянии, вероятно, следует считать центральной для всего курса реформ Горбачева. На это, в частности, указывает тот факт, что именно экономическая реформа была запущена первой, когда Горбачев призвал страну к так называемому ускорению,

⁴ McFaul M. *Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin*. Cornell University Press, 2001. P. 59.

представлявшему собой попытку вернуть почти совсем замерший к 1985 г. экономический рост посредством перераспределения государственных инвестиций в пользу машиностроения, но не меняя при этом основ хозяйственной системы. Со временем, когда прежние попытки наладить положение дел в экономике не приносили результатов, предпринимались новые и новые реформы: госприемка, развитие индивидуальной трудовой деятельности, трудовые коллективы и закон о государственных предприятиях (дерегулирование планирования) и, наконец, кооперативы. Все эти реформы имели довольно мало связи между собой, причем такой связи не прослеживается не только между различными этапами реформ, но и в рамках отдельных ее стадий (как, например, не были частью одной программы одновременное наращивание инвестиций в машиностроение и укрепление трудовой и производственной дисциплины через борьбу с пьянством — вероятно, из-за того, что две эти реформы проводились не связанными между собой группировками в центральном аппарате партии и в Совете Министров⁵). Таким образом, преобразования Горбачева в экономике не являлись складной и сколько-нибудь последовательной реформой, а были, скорее, реформами — серией разрозненных попыток залатать «деформации социализма», а не систематической попыткой его перекройки.

И Майкл Макфол, и Александр Даллин обращают внимание на то, что Горбачев предпочел одновременную политическую и экономическую реформу так называемому китайскому варианту (под которым понимается реформа экономики без смены политических основ), и оба находят данное решение по меньшей мере странным (а Макфол и вовсе считает это роковой ошибкой)⁶. В действительности, до 1987 г. реформы Горбачева были в основном направлены на то, чтобы наладить ситуацию в экономике, и в данном смысле были вполне аналогичны реформам Дэн Сяопина (о которых, впрочем, в Советском Союзе мало кто знал и которые в 1985 г. уж точно никто не думал брать за образец). «Странное» желание реформировать также и политическое устройство СССР проснулось в Горбачеве к началу 1987 г. и, вероятно, было связано с невозможностью проводить необходимые экономические реформы через те механизмы управления, которыми располагали реформаторы. Стоит отметить, что сравнение с китайским сценарием довольно поучительно: в отличие от СССР, реформы в Китае проводились более решительно и начались с отмены государственной монополии на производство и с приватизации, что было бы попросту немислимо для советской партократии; то, что такой сценарий прошел в Китае, связано со специфическим политическим раскладом в китайском руководстве после смерти Мао, фактически открывшей перед Дэн Сяопином окно возможностей для проведения реформ⁷. Судя по тому,

⁵ Травин Д. Путинская Россия: От рассвета до отката. СПб.: Дело, 2008. С. 117–119.

⁶ Dallin A., Lapidus G. *Causes of the Collapse of the USSR // The Soviet System: From Crisis to Collapse*. Boulder: Westview Press, 1994. P. 689; McFaul, op. cit. P. 59.

⁷ Brandt L., Rawski T. *China's Great Economic Transformation // China's Great Economic Transformation*, ed. by Loren Brandt and Thomas Rawski. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 1–26.

что в СССР экономическая реформа подстегнула политическую, советским реформаторам это окно пришлось открывать самостоятельно.

Поиск союзников и сопротивление среды

Макфол обращает внимание на то, что за пять лет из всесильного диктатора самой большой страны в мире Горбачев превратился в бессильного президента трещащего по швам слабого государства⁸. Однако «всесильный диктатор» — не совсем точная характеристика масштабов той власти, которой располагал Горбачев. Предположим, что, получив самый высокий пост, человек с «приятной улыбкой, но железными зубами» первым делом объявил бы либерализацию. Вероятно, удивлению партийной верхушки не было бы предела, и кто знает, не случилось бы так, что место Горбачева вскоре после этого занял бы человек более умеренных взглядов? Так, либерализация входила в проект реформ, предложенных в 1986 г. председателем Совета Министров Рыжковым, но даже спустя год основательной чистки партийного аппарата была слишком смелым шагом, чтобы ее согласились всерьез обсуждать в партии.

Если Горбачеву хотелось реформы, ему нужно было обзавестись союзниками: на первых этапах — чтобы обеспечить проведение избранного им политического курса, а впоследствии, с ростом недовольства в обществе и в элитах, всё больше для стабилизации собственного положения. В данном параграфе я рассматриваю, какими возможностями для обретения таких союзников располагал Горбачев, и пытаюсь таким образом объяснить неудачу его реформ.

Хронологически первой политической реформой Горбачева была уже упомянутая чистка партийного аппарата — шаг для генерального секретаря, вступающего в должность, очевидный, но получивший особое значение в связи с необходимостью кадрового обновления после двадцати брежневских лет. Естественным ожиданием Горбачева должно было быть то, что повсеместная смена партийного руководства создаст лояльную ему правящую элиту. Однако, как отмечает Кен Джауит⁹, к началу 1980-х гг. партия была коррумпирована, неопатриархальна и пережила «рутинизацию», то есть была неспособна к выполнению «боевых заданий» — то, зачем изначально создавалась партия профессиональных революционеров. Причем эти характеристики пронизывали все уровни партийной иерархии, то есть остались так же актуальны и после кадровых перестановок 1985–1986 гг. Так что даже лояльная Горбачеву партия была весьма сомнительной базой поддержки реформы (кроме того, его положение усугублялось тем фактом, что состав Политбюро во многом оставался прежним). Со временем же в партии укрепилось крыло консерваторов, выступавших своеобразной оппозицией Горбачеву, и тогда

⁸ McFaul, *op. cit.* P. 56.

⁹ Jowitt K. Soviet Neotraditionalism: The Political Corruption of a Leninist Regime // *Europe-Asia Studies*, 35, 1983. P. 278.

партия окончательно прекратила быть инструментом для проведения реформ и даже стала препятствием на их пути, что подтолкнуло Горбачева к следующим политическим реформам — введению альтернативных выборов в Советы в 1987 г. и созыву Съезда народных депутатов по итогам XIX всесоюзной партконференции в 1988 г.¹⁰

Альтернативой опоре на партию могла стать опора на местные элиты, которым также одной из резолюций XIX партконференции было обещано больше автономии от центра. Децентрализация, однако, приняла деструктивный оборот, и, конечно, ее бы следовало рассматривать как абсолютно провальную реформу, если бы она вообще была реформой. Но децентрализация стала скорее стихийным явлением, связанным с тем, что ослабление позиций партии, обеспечивавшей до этого подчинение между различными уровнями власти, наложилось на микроинституты государственного социализма (по выражению Вэлери Банс), и возникшее в местных элитах напряжение нашло логичный выход в существовавших в рамках национального федерализма структурах, ранее остававшихся формальностью, лишенной какого бы то ни было реального содержания¹¹. Национальные движения в республиках постепенно стали основной политической силой, не встречавшей конкуренции на местном уровне¹², а в силу того, что ядром их идеологии был сепаратизм, никакого союза с Горбачевым у них быть не могло.

Как уже отмечалось, недостаток поддержки Горбачев пытался компенсировать полноценными политическими реформами — в частности, «парламентаризацией» системы и возвращением власти советам. Так Горбачев мог получить отдельную от партийной легитимацию, взяв в союзники общество в целом. Но к тому моменту, когда Горбачев решил искать такой союз, общество уже было не вполне лояльно. Связано это с тем, что проводившаяся экономическая реформа — медленная и неэффективная — обернулась значительным снижением уровня жизни, провоцируя недовольство граждан, которое, вполне в духе предсказаний Дэвида Липтона и Джеффри Сакса, создало базу поддержки для антисистемных популистов¹³ — с тем отличием, что популисты эти выступали не против болезненных реформ, а фактически за них.

Другим фактором, способствовавшим складыванию в обществе антисистемных настроений, была гласность, впервые упомянутая Горбачевым на XXVII съезде в феврале 1986 г. и изначально представлявшая собой скорее внешний механизм мониторинга, необходимый для осуществления экономической реформы. Со временем, однако, стало ясно, что гласность,

¹⁰ Согрин В. Политическая история современной России. 1985–2001: От Горбачева до Путина. М.: Весь мир, 2001. С. 31, 40.

¹¹ Bunce V. Federalism, Nationalism, and Secession: The Communist and Postcommunist Experience // *Federalism and Territorial Cleavages*, ed. by Ugo M. Amoretti and Nancy Bermeo, 2004. P. 424–426.

¹² Linz J., Stepan S. *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1996. P. 384.

¹³ Lipton D. et al. *Creating a Market Economy in Eastern Europe: The Case of Poland* // *Brookings papers on economic activity*, 1990. P. 130.

действительно выполняющая функции мониторинга, работает не на государство (система стимулов и наказаний в нем все равно была сбита, и потому практической пользы от поступающей информации почти не имелось), а в основном против него и против его главы. В результате созыв съезда и парламентаризация, даже несмотря на все предпринятые предохранительные меры, попросту дали обществу возможность политического выражения недовольства и вместо легитимизации реформ Горбачева, напротив, позволили сформировать легитимную оппозицию его реформам.

Анализ событий требует также рассмотрения возможности опоры реформатора на армию и на силовые структуры в целом¹⁴, при этом следует заметить, что за те шесть лет, что Горбачев был у власти, он не дал никаких поводов полагать, что хоть сколько-то близок с силовиками. Более того, сокращение вооружений и военных расходов в целом, бывшее одним из важных пунктов повестки дня горбачевских реформ, указывает скорее на то, что армия к клиентам генерального секретаря не относилась. Обстоятельства единственного эпизода, где можно подозревать возможность такого союза — а именно, обстоятельства августовского путча, перед которым Горбачев уехал из Москвы, — покрыты тайной, хотя инсинуации на тот счет, будто путч был предварительно согласован путчистами с Горбачевым, имеют место.

Так или иначе, с самого начала не обладая достаточным властным потенциалом для проведения радикальной реформы и выбрав путь нерешительных полуреформ, Горбачев в конечном счете потерял партийную базу поддержки и, более того, инспирировал создание обширной общественной оппозиции себе и своим реформам.

Заключение

Можно ли в этом винить Горбачева и его команду? Макфол справедливо указывает на то, что всё было сделано реформаторами сознательно¹⁵; реформы инициировались командой Горбачева, и никто не вынуждал проводить именно такие изменения. В данной статье я играю адвоката дьявола и показываю, что политический выбор в пользу той или иной реформы был зачастую ограничен недостаточно сильной стартовой базой, однако следует признать, что и сами реформы в основном были скроены весьма неудачно: не было ни одной реформы (как политической, так и экономической), негативные непредвиденные последствия которой не перекрыли бы ее пользы для самих реформаторов. (В известном анекдоте того времени буфетчица объясняет удивленному посетителю пельменной, что пельмени квадратные, потому что перестройка, недоваренные, потому что ускорение, надкусанные, потому что госприемка, а так спокойно рассказать об этом она может, потому что гласность.)

¹⁴ Гельман В. Тупик авторитарной модернизации // *Pro et Contra*. 13, 2009. P. 56.

¹⁵ McFaul, *op. cit.* P. 60.

Более того, реформы, по отдельности просто неудачные, ввиду их обилия и несвязанности в общую программу привели к возникновению такой институциональной среды, в которой общество не просто не могло больше так жить, но и фактически перестало управляться. Отдельные реформы сложились в разрушительную для государства схему, объединившую институциональное ослабление центральной власти, усиление центробежных тенденций в региональных элитах и создание основы для антисистемного волеизъявления граждан.

Парадоксальным образом, по аналогии с реформами Дэн Сяопина, которые были исключительно экономическими, но основательно подготовлены политически (хотя такая политическая подготовка произошла скорее стихийно), кажется, что верным, хоть и контринтуитивным, решением было бы отложить в СССР проведение экономических реформ и либо попытаться дождаться более удачного политического расклада, либо приблизить его точечной зачисткой политического поля (и, таким образом, начать с политики, а не с экономики). Майкл Буравой, сравнивающий советский и китайский сценарии реформ, довольно убедительно показывает, что правильной комбинацией являются более решительная и дисциплинированная экономическая реформа и неизменное сохранение централизованной власти партии¹⁶: иными словами, помимо правильной (экономической) реформы нужно сохранять управляемость общества. Основным результатом политической реформы Горбачева, направленной на поиск союзников, стало как раз снижение управляемости в обществе. Именно это предопределило исход перестройки.

¹⁶ Burawoy M. The State and Economic Involution: Russia through a China Lens // World Development, 24, 1996.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГУМАНИТАРНО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР "СТРАТЕГИЯ"

**ПУБЛИЧНАЯ
ПОЛИТИКА
-2013**

Российская ассоциация политической науки
Исследовательский комитет
по проблемам публичной политики и гражданского общества

**Санкт-Петербургский гуманитарно-политологический центр
«Стратегия»**

**Отделение прикладной политологии Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург**

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА — 2013

Сборник статей

Под редакцией М.Б. Горного и А.Ю. Сунгурова

Рекомендовано к печати
кафедрой прикладной политологии
НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург

НОРМА

Санкт-Петербург
2014

ББК 76

П88

Рецензенты:

доктор политических наук Д. В. Гончаров

кандидат философских наук В. В. Костюшев

Публичная политика—2013. Сб. статей / под ред. М. Б. Горного
и А. Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2014. — 224 с.

ISBN 978-5-87857-224-8

Ежегодный альманах, продолжая традицию девяти предыдущих выпусков («Публичная политика—2004», «Публичная политика—2005», «Публичная политика—2006», «Публичная политика—2007», «Публичная политика—2008», «Публичная политика—2009», «Публичная политика—2010», «Публичная политика—2011» и «Публичная политика—2012»), посвящен развитию технологий и практик публичной политики. Существенную часть альманаха составляют материалы Второй ежегодной конференции отделения прикладной политологии НИУ «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге «Октябрьские чтения—2013»: «От России к России за 100 лет: современные исследования социальных и политических изменений». Наряду с традиционной для альманаха темой взаимодействия органов власти и структур гражданского общества, в этом выпуске существенное внимание уделяется также проблемам инноваций в социально-политической сфере.

Альманах рассчитан на ученых и лидеров неправительственных организаций, государственных чиновников, представителей бизнеса и журналистов — на всех лиц, заинтересованных в разработке способов решения стоящих перед российским обществом сложных задач достойного развития нашей страны.

© СПб центр «Стратегия», 2014

© Норма, 2014

Оглавление

Введение	5
Часть 1. Изучая публичную политику	
Раздел 1.1. Реформы как политические инновации: успехи и неудачи	
<i>И.С. Григорьев.</i> Политическая реформа Горбачева: управленческий аппарат как фактор успешности реформы	8
<i>Н.В. Гришин, Е.П. Мармилова.</i> Проекты оппозиционных парламентских партий по оптимизации избирательной системы России	15
<i>И.И. Брянцев.</i> Региональные особенности управления общественно-политическими процессами: опыт Саратовской области – утраченные старые и приобретенные новые возможности	28
<i>Н.Г. Жидкова.</i> Инновация без усовершенствования: введение принципа переносимости мобильного номера	36
<i>А.Ю. Сунгуров.</i> О роли научного знания и научных сообществ в процессах публичной политики	43
Раздел 1.2. Идеологии и идеологические установки	
<i>Р.Л. Боярков, Н.М. Таирова.</i> Толерантность идеологий и идеология толерантности	55
<i>С.И. Кузина.</i> Идеологические установки власти через призму оценок российского студенчества	68
Раздел 1.3. Статус «иностранного агента» как атака на независимые НКО	
<i>Е.А. Вандышева.</i> Стратегии НКО в связи с введением статуса «иностранного агента»	76
<i>А.В. Зайцев.</i> «Иностранный агент № 2», или Особенности публичной политики в Костромской области	86
Раздел 1.4. Миграция и связанные с ней проблемы	
<i>Т.Л. Барандова, И.О. Ижик, А.М. Орлов.</i> Гендерное измерение миграции: вопросы практики без ответов политики?	99
Проект «Проблемы миграции решаем вместе: создание межсекторной коммуникативной площадки» (Итоговый отчет и рекомендации)	110

Часть 2. Материалы Второй ежегодной конференции отделения прикладной политологии НИУ «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге «Октябрьские чтения—2013»: «От России к России за 100 лет: современные исследования социальных и политических изменений» (СПб, 10—12 октября 2013 г.)

Раздел 2.1. Материалы основной части конференции

<i>Т.Л. Барандова, Л.А. Барандов.</i> Игры (в/о) власти: размышления о системе координат современного активизма	120
<i>М.Б. Горный.</i> Эффективность общественно-консультативных структур при органах власти	134
<i>Г.Л. Тульчинский.</i> Революция менеджеров по-советски	145
<i>А.Н. Линде.</i> Теория коммуникативной демократии Юргена Хабермаса в контексте российской политики	150

Раздел 2.2. Материалы Студенческого форума

«Социально-политические изменения в России: проблемы и решения», состоявшегося в рамках конференции «Октябрьские чтения—2013»

<i>Е.А. Горбелева.</i> Актуальные проблемы российско-белорусских отношений на современном этапе (на примере конфликта «Уралкалия» и «Беларуськалия»)	160
<i>А.Д. Дерендяева.</i> Эволюция молодежных политических движений в России (конец XX — начало XXI века)	164
<i>А.О. Доманов, Л.С. Жирнова.</i> Европейская идентичность в российских регионах как компонент множественной пространственной идентичности	171
<i>А.М. Кучинов.</i> Исследование публичной политики: интеграция новых теоретических подходов	176
<i>С.А. Шмелева.</i> Взаимосвязь доверия и глобальной конкурентоспособности в странах, ориентированных на инновационное развитие	179

Часть 3. Проба пера:

Публичная политика глазами студентов-политологов

<i>Н.А. Гайдук.</i> Структуры исполнительной власти по соблюдению гендерного равенства и защите прав человека: опыт сравнения Северных стран	186
<i>Д.К. Тиняков.</i> Квотирование по гендерному признаку в трудовой политике: аргументы «за» и «против» (на примере Северных стран)	196
<i>К.К. Шальман.</i> Социальная политика: идеологии и практики формирования «ответственного отцовства»	204
<i>Э.Б. Мамедов.</i> Взаимодействие бизнеса и власти в Санкт-Петербурге и Нижегородской области	217

Список авторов	221
-----------------------------	-----

Список авторов

Баранов Леонид Александрович – студент 4-го курса Института народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (специальность «Этнокультурология»).

Баранова Татьяна Леонидовна – ст. преподаватель кафедры прикладной политологии НИУ ВШЭ – СПб.

Боярков Роман Леонидович – кандидат политических наук, доцент кафедры прикладной политологии НИУ ВШЭ – СПб.

Брянцев Иван Иванович – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Поволжского института управления им. П.А. Столыпина РАНХиГС, г. Саратов.

Вандышева Елена Александровна – старший преподаватель кафедры прикладной политологии, заместитель по учебной работе руководителя отделения прикладной политологии НИУ ВШЭ – СПб.

Гайдук Наталья Александровна – студентка 2-го курса отделения прикладной политологии НИУ ВШЭ – СПб.

Горбелева Екатерина Андреевна, студентка 2-го курса магистратуры исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул.

Горный Михаил Бениаминович – кандидат физико-математических наук, исполнительный директор СПб гуманитарно-политологического центра «Стратегия», доцент кафедры прикладной политологии НИУ ВШЭ – СПб.

Григорьев Иван Сергеевич – преподаватель кафедры прикладной политологии НИУ ВШЭ – СПб.

Гришин Николай Владимирович – доктор политических наук, профессор Астраханского государственного университета.

Дерендяева Анна Дмитриевна – студентка 4-го курса бакалавриата по направлению «Политология» Алтайского государственного университета, г. Барнаул.

Доманов Алексей Олегович – студент 2-го курса магистратуры по направлению «Зарубежное регионоведение» МГИМО (У) МИД России.

Жидкова Наталья Геннадьевна – кандидат политических наук, доцент кафедры прикладной политологии НИУ ВШЭ – СПб.

Жирнова Лидия Сергеевна – студентка 2-го курса магистратуры по направлению «Зарубежное регионоведение» МГИМО (У) МИД России.

Зайцев Александр Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова.

Ижик Ирина Олеговна – студентка 3-го курса отделения прикладной политологии НИУ ВШЭ – СПб.

Кузина Светлана Ивановна – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и этнополитики, заместитель декана факультета политологии ЮРИФ РАНХиГС при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону.

Кучинов Артемий Михайлович – студент 3-го курса факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Линде Андрей Николаевич – аспирант кафедры истории и теории политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Мамедов Эльхан Бахтияр оглы – студент 1-го курса магистерской программы «Политика и управление» отделения прикладной политологии НИУ ВШЭ – СПб.

Мармилова Екатерина Петровна – кандидат исторических наук, доцент Астраханского государственного университета.

Орлов Артем Михайлович – студент 3-го курса отделения прикладной политологии НИУ ВШЭ – СПб.

Сунгуров Александр Юрьевич – доктор политических наук, заведующий кафедрой прикладной политологии НИУ ВШЭ – СПб, президент СПб гуманитарно-политологического центра «Стратегия».

Таирова Нелли Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Северо-Западного института РАНХиГС при Президенте РФ.

Тиняков Даниил Кириллович – студент 3-го курса отделения прикладной политологии НИУ ВШЭ – СПб.

Тульчинский Григорий Львович – доктор философских наук, профессор кафедры прикладной политологии НИУ ВШЭ – СПб.

Шальман Ксения Кирилловна – студентка 1-го курса магистратуры факультета социологии НИУ ВШЭ – СПб.

Шмелева Светлана Андреевна – студентка 2-го курса магистерской программы «Политика и управление» отделения прикладной политологии НИУ ВШЭ – СПб.